

- побудительный характер речи;
 - спонтанность, которая выражается в отклонении от норм;
 - фактологическая точность;
 - преобладание книжного стиля над разговорным.
- б) политическая речь Росселя обладает индивидуальными чертами губернатора:
- изобилие штампов;
 - наличие экономической терминологии;
 - наличие политической лексики.

Литература:

1. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебное пособие для студентов фак. рус. яз. и литературы пед. Институтов / М.Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1977. – 223с.
2. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте / О.А. Лаптева. – изд.5-е, стер. – М: Едиториал УРСС, 2003. – 520с.
3. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: А ТЕМП, 2004. – 944с.
4. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256с.
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: ИТДГК «Гнозис». – 326с.
6. Материал: «Час губернатора» от 03.02.2007 («Россия-Урал», 16.00).

Белоногова Н.Г.

Научный руководитель: Маркова Т.Н.

д.ф.н., профессор кафедры литературы

Челябинский государственный

педагогический университет

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ТВОРЧЕСТВА Н.В.ГОГОЛЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

Николая Васильевича Гоголя называют самым иррациональным и таинственным русским писателем, одной из самых загадочных и эксцентричных фигур эпохи. О его жизни и смерти

существует больше мифов, чем о любом другом литераторе. Обращение к творческому наследию классика чрезвычайно актуально ввиду приближающегося двухсотлетнего юбилея великого писателя и обострившейся полемики между украинскими и российскими литературоведами.

Каждое поколение воспринимает Гоголя по-новому, и тяга к постижению его творчества не идет на убыль. Отсюда немалый интерес приобретает изучение интерпретаций гоголевских произведений на разных стадиях эволюции отечественной и зарубежной культуры.

Вопрос о творческом методе писателя решается каждым исследователем с опорой на собственное мировоззрение. Так, западник В.Г. Белинский впервые назвал Гоголя «поэтом жизни действительной». Он заложил традицию оценки Гоголя как «социального писателя», основоположника «натуральной школы» в русской литературе [1, 266]. Но неистовый Виссарион недооценил религиозной, проповеднической стороны его таланта. Он назвал автора «Выбранных мест из переписки с друзьями» «смирненным советодателем», который не знает и не понимает своего народа, отворачивается от истинной злобы дня [4, 410].

На рубеже 19 и 20 веков имя Гоголя оказалось в эпицентре идейно-литературных споров, вызванных сразу двумя гоголевскими юбилеями – 1902 и 1909 годов. В противовес традиционно-реалистической интерпретации Гоголя символистская критика в лице В.Брюсова, Д.Мережковского, В.Розанова, К.Мочульского, Б.Садовского, отрицая социальное содержание его произведений, обвинила Белинского и демократическую критику шестидесятников в создании «предрассудка» о Гоголе как писателе реалистического направления. «Для большинства публики Гоголь навеки застыл под соусом шестидесятых шутников, – писал Б. Садовский. – Подлинное лицо до сих пор остается никому неизвестным» [5, 492].

Религиозная сторона мировоззрения Гоголя впервые заинтересовала литературную и философскую критику Серебряного века, что привело к формированию нового религиозно-метафизического взгляда на его творчество. Первой ступенью на пути нового осмысления наследия русского гения стал «гоголевский манифест» символистов – юбилейный номер журнала «Весы» за апрель 1909 года. Наступило время Гоголя – «мечтателя, фантаста», как его аттестует А.Белый [2, 362], визионера со страстью к гиперболом, каким он предстает из напечатанной в «Вехах» статьи В.Брюсова «Испепеленный».

Русские религиозные и идеалистические философы и поэты Серебряного века, а вслед за ними и критики русской эмиграции – И.Анненский, А.Белый, В.Розанов, К.Мочульский, В.Гиппиус, Д.Чижевский – высоко оценили проповедническую миссию писателя. Так Мочульский писал: «Гоголь был не только великим художником: он был учителем нравственности и христианским подвижником, и мистиком» [6, 7] Религиозно-мистическая

традиция истолкования гоголевских текстов была подхвачена современными российскими гоголеведами. В 2002-ом году в Екатеринбурге вышла коллективная монография «Феномен «Шинели» Н.В.Гоголя свете философского мирозерцания писателя» под редакцией Ю.И.Мирошникова и О.В.Зырянова, авторы которой отмечают, что основной идеей творчества Гоголя является идея возмездия за бесцельно проживаемую жизнь. Эта идея прочитывается в первом томе «Мертвых душ», который заканчивается смертью и похоронами прокурора. Человек безобидный и тихий, он предстает печальным примером человеческой жизни вообще, не оставляющей после себя никакого следа, ни к чему не ведущей, ничем не оправданной. Смерть еще одного «незаметного» человека – Акакия Акакиевича Башмачкина – также представляется авторам монографии «естественным результатом чересчур заземленного образа жизни» [8, 98], расплатой за бездуховность, так как в отсутствии духовного смысла виноват, прежде всего, сам герой.

Одним из аспектов религиозно-мистического истолкования гоголевских текстов является изучение феноменологии зла и «чертовщины» в творчестве писателя. На демонологический характер персонажей Гоголя впервые указал Д.С.Мережковский в эссе «Гоголь и черт». По Мережковскому, в глаз Гоголю – словно андерсоновскому Каю – попал волшебный осколок дьявольского зеркала. Это предопределило его недобрый, искажающий взгляд, под которым действительность теряет стройность и лад, а человек превращается в чертову куклу.

Взгляд Мережковского нашел преломление в западном литературном сознании через очерк В.В.Набокова «Николай Гоголь», где автор отождествляет зло Гоголя с массивной земной реальностью, а избавление от него – с прорывом в иной, «звездный» план бытия [7, 132].

С опорой на Мережковского и Набокова на Западе распространилось представление о дегуманизирующей антропологии Гоголя. Западноевропейские слависты настаивают на том, что, «не любя себе подобных» (А.Турайя), писатель скрывал за своими насмешками глубокий пессимизм, неверие в человека (С.Мельшиор-Бонке). Гоголь был занят изображением «мертвецов, обладающих видимостью жизни» (Х.Штольце); люди у него – «недочеловеки, занимающие своим существованием место, где высшим смыслом бытия требовалось бы что-то совершенно другое» (А.Труайя) [3, 409]. Гоголевским персонажам свойственен автоматизм, механистичность, подчиненность манипулирующей воле творца.

В российском гоголеведении проблемой демонологии в гоголевских текстах интересовались В.Крюков и А.Терц. По мнению исследователей, он обладал апокалиптическим видением мира, больше того – способностью видеть людей, предметы и вещи сразу, одновременно в их жизни, смерти и в том, что будет после смерти.

В советский период истории литературной науки свободное, непредвзятое, объективное исследование идейного содержания творчества Гоголя было затруднено в силу жестких

1355932

идеологических рамок, сдерживающих возможности всестороннего изучения личности и творчества писателя. Критические работы этих лет (С.И.Машинский, М.Б.Храпченко) строились с опорой на авторитет Белинского. «Неотразимая сила художественных творений Гоголя, – утверждал Храпченко, – заключена в их глубоком, проникновенном реализме, в том замечательном мастерстве, с которым писатель воплотил общественную жизнь, характеры людей» [9, 529].

Ситуация изменяется в 1984 году в связи с проведением конференции «Гоголь и современность». В Институте Мировой Литературы разворачивается острая полемика по поводу труда И.Золотусского «Николай Гоголь», подвергнувшего революционной переоценке значение книги-завещания «Выбранные места из переписки с друзьями» [4]. По материал конференции вышел сборник «Гоголь и современность», участники которого отметили новые тенденции в понимании гоголевских текстов. В частности, высказывалась мысль о том, что реализм Гоголя отнюдь не отвергает романтизма, поскольку именно в романтизме берет начало критическое отношение к житейской пошлости, романтизм способствовал литературному оформлению гоголевского интереса к фольклору, наконец, романтизм утвердил в литературе «плебейские», неканонические романские формы.

В 1990-е годы начался процесс осмысления возвращенных литературно-критических и философских работ о Гоголе Д.Н.Овсяннико-Куликовского, Д.С.Мережковского, А.Белого, А.Ремизова, В.В.Зеньковского и других авторов, чьи книги и статьи в советский период были надежно заперты в спецхранах. Заново открытые источники нереалистических интерпретаций творчества Гоголя способствовали заметному оживлению ситуации в литературной науке и критике. Среди наиболее авторитетных назовем имена Ю.В.Манна, В.Воропаева, Е.Смирновой, И.Золотусского, А.Немзера и др.

XX век продемонстрировал большое разнообразие подходов к изучению личности и творчества писателя. Сегодня феномен Гоголя раскрывается в ситуации диалога, еще не исчерпанного до конца. Гоголевский текст – это своеобразный ребус, разгадав который, читатель должен восстановить утраченное чувство богоподобия. Созданная писателем художественная картина деформированного земного шара должна стать откровением, принести человеку знание, способное вернуть его к вере. В этом обнаруживается близость Гоголя к искусству нашей рубежной эпохи.

Литература:

1. Белинский о Гоголе. - М.: ГИХЛ, 1949.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994.
3. Бибихин В.В., Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. Литературная мысль Запада перед «загадкой Гоголя» // Н.В.Гоголь: история и современность. / Сост. Кожинов В.В., Осетров

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского Государственного
университета
г.Екатеринбург

- Е.И., Палармачук П.Г.- М.: Советская Россия, 1985.
4. Золотусский И. Гоголь. - М.: Молодая гвардия, 1984.
5. Машинский С. Художественный мир Гоголя. – М.: Просвещение, 1971.
6. Мочульский К. Духовный путь Гоголя // Мочульский К. Гоголь, Соловьев, Достоевский, - М.: Республика, 1995.
7. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. – М., 1991.
8. Феномен «Шинели» Н.В.Гоголя в свете философского мирозерцания писателя // Под ред. Ю.И.Мирошниковой и О.В.Зырянова – Екатеринбург: Ур ОРАН, 2002.
9. Храпченко М.Б. Творчество Гоголя - М.: Изд-во АН СССР, 1954.

Бугрова Е.Д.

Научный руководитель: А.М. Плотникова,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры современного русского языка

УрГУ, Екатеринбург

ДИНАМИКА РЕЧЕВОГО ЖАНРА АННОТАЦИИ

Аннотации к книгам являются рекламными текстами, которые совмещают информативную функцию, состоящую в том, что в аннотации факты не только сообщаются, но и комментируются, то есть получают истолкование и оценку, с апеллятивной функцией – функцией воздействия на читателя.

Аннотацию как вторичный речевой жанр отличает:

- тезисность (целевая установка произведения);
- прагматичность (сжатое описание положений);
- энциклопедичность (сведения об авторе и его других произведениях).

Аннотация – письменное высказывание, создаваемое с целью убеждения читателя (покупателя), формирования его мнения. Задача аннотации – привлечь читателя не только содержанием, но и формой речи.

Экспрессивно расцвечивают аннотацию, делают ее живой, естественной, непринужденной разговорная лексика и элементы разговорного синтаксиса.

Материал – аннотации к переводной фантастике 1970-2000-х годов – был разделен нами на три типа на основании использования в текстах аннотаций экспрессивных синтаксических конструкций: